

УДК 134.21

А.М. Тимохин

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВОВОГО ПОЗИТИВИЗМА

Правовой позитивизм остается одной из самых значительных методологических доктрин, пользующихся заслуженным признанием в кругу правоведов. Тем не менее, у нас о правовом позитивизме знают скорее понаслышке, что является прямым следствием отсутствия в отечественной юриспруденции интереса к методологическим проблемам. Отсутствие интереса влечет за собой неосведомленность. В конкретном случае методологическая неосведомленность заходит настолько далеко, что правовой позитивизм рассматривают как составную часть философии позитивизма. В подобном рассмотрении как таковом нет ничего предосудительного, напротив, с фактической точки зрения оно может быть полностью оправдано. Сложности обнаруживаются лишь тогда, когда речь заходит о смысле и структуре тех связей, которые существуют между философией позитивизма и соответствующей юридической доктриной.

Например, в одном из лучших учебных пособий по философии права по поводу этой связи находим лишь несколько общих фраз: «правовой позитивизм в значительной степени получает подпитку со стороны общефилософского позитивизма... в общефилософском позитивизме правовой позитивизм получил мировоззренческо-методологическое обоснование» [1, с. 142]. При этом из параграфа, посвященного правовому позитивизму, явствует, что мировоззренческо-методологическое обоснование заключается в том, что представители правового позитивизма имели с философами-позитивистами общие предрассудки о структуре и статусе научного знания. Кем были эти философы-позитивисты – также не объясняется.

Отсутствие ясности в таких вопросах недопустимо, т.к. приводит к размыванию границ доктрины правового позитивизма. Так Р. Ципелиус упоминает смешение правового позитивизма и законодательного позитивизма [2, с. 12], а О. Хеффе высказывает недоумение по поводу того, что к числу представителей правового позитивизма причисляют таких разных философов права как Т. Гоббс, Д. Бентам, Г. Кельзен [3, с. 67]. В двух отмеченных случаях неотчетливость границ правового позитивизма вызвано именно паралогизмом понятий неизбежным тогда, когда в одних случаях правовой позитивизм упоминается в связи с философией позитивизма, а в других – без таковой.

Также нельзя не отметить, что только философии позитивизма, точнее, логическому позитивизму, правоведение обязано тому, что юридическое мышление получило возможность не просто называться, но и быть научным. Форма исследования права, санкционированная логическим позитивизмом, до сих пор остается единственным источником защиты от многочисленных попыток дискредитации юриспруденции со стороны различного рода идеологий.

Целью этой статьи является анализ ключевых идей логического позитивизма, имеющих непосредственное отношение к возможности исследования правовой реальности. Предметом рассмотрения станет концепция нормативности, излагаемая представителями логического позитивизма, т.к. именно использование этой концепции придает изучению права характер действительной науки.

НОРМА КАК ПРЕДМЕТ MORAL SCIENCE.

Еще задолго до появления позитивизма, в Англии сформировалась особая точка зрения на то, чем является изучение различных дисциплин, включающих в свой предмет нормы. Ее истоки восходят к философии Т. Гоббса, Дж. Локка и Д. Юма, определившей не только общую интеллектуальную стилистику (по праву, называемую аналитической) размышлений их последователей, но и заложившей основания самой *moral science*. Общим для представителей этой традиции стало видение норм как специфического компонента, отличающего человека в его общественной жизни от прочих явлений природы. На познание правил (норм), которым должен руководствоваться человек, и направлен главный интерес различных разновидностей *moral science*. Квинтэссенцией английской традиции осмысления норм стал проект деонтологии, разработанный Дж. Бентамом (см. его работу *Introduction to the Principles of Morals and Legislation*).

Для формирования этой точки зрения принципиально важной оказалась также работа Дж. Ст. Милля «Система логики силлогистической и индуктивной». Именно Миллю удалось объединить способ понимания нормативности, характерный для английской философии, с методологическими установками позитивизма. К упомянутой работе собственно и восходит и обозначение гуманитарного знания термином «*moral science*», которое сыграло важную роль для понимания того отношения к нормам, которое сформировалось в рамках позитивизма. Первыми примерами реализации позитивистской программы в области *moral science* можно считать работу Сиджвика и Дж. Остина

Пронятое в позитивизме рассмотрение норм в качестве содержания познания и задает общее поле проблематики, в контексте которой словосочетание, объединяющее в себе слова «норма», «истина» и «познание», рискует лишиться всякого смысла. Чаще всего это диктуется отказом от метафизики и строгим эмпиризмом. Наиболее сильной версией такого позитивизма служит логический позитивизм, антиметафизическая интенция которого выражается в утверждении о сводимости всякого знания к эмпирическим суждениям посредством его логического прояснения.

Следствия эпистемологических воззрений логического позитивизма для «*moral science*» были сформулированы Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате», где утверждалось, что «...предложения этики невозможны. Высшее не выразить предложениями. Понятно, что этика не поддается высказыванию» [4, с. 70].

Также в основе позитивистского понимания нормативности лежит восходящая к «принципу Юма» концепция о том, что утверждения о должном логически не следуют из утверждений о сущем [См. 5, с. 229; 6]. Эта концепция отрицает логическую связь между нормой и фактом, а поскольку знание, с точки зрения

позитивизма, может быть только знанием о фактах, то из этого следует, что представления о нормах даже логически не могут быть основаны на фактах, т.е. не имеют рациональных эпистемологических оснований. Принцип Юма рассматривается в позитивизме как повод заявить о неприменимости логических процедур следования и доказательства к нормативным суждениям вообще.

Т.о., критика рациональной обоснованности норм в позитивизме ведется по двум направлениям: отрицается, во-первых, их верифицируемость (что соответствует тезису о несводимости норм к фактам), во-вторых, возможность утверждающего нормы доказательства, опять-таки потому, что доказаны могут быть только фактические утверждения. Как уже говорилось, успех этой критики делает словосочетание «познание норм», «истина норм» проблематичным.

Наиболее яркие и, по сути, программные заявления логического позитивизма, касающиеся познания норм, приводятся в работах М. Шлика, Ч. Стивенсона и А. Айера. На первый взгляд, ими вовсе не отрицается ни существование норм, ни возможность этики как науки. Речь идет только о том смысле, который следует вкладывать в эти понятия, поэтому большая часть рассуждений позитивистов носит характер метаэтической теории, имеющей дело со смыслом и значением морально-нормативного языка, или как называют свой предмет сами позитивисты - морального суждения (*moral judgment*).

Так, для Шлика «этика - это система знаний, и ничего более, ее единственная цель - истина..., следовательно, вопросы этики, также, являются чисто теоретическими проблемами» [7, с. 247]. Основная задача, решаемая в этике, понимаемой как наука, заключается в том, чтобы показать, что она занята изучением фактов, а не установлением норм, что ее предмет - не то, что должно быть, а то, что есть. «Даже как нормативная наука, наука может не более чем объяснить: она никогда не устанавливает и не утверждает норму (которая одна будет эквивалентна абсолютному подтверждению)... появление норм находится извне и предшествует науке и знанию» [7, с. 257]. Исходя из этого тезиса о фактическом содержании этического знания, Шлик делает вывод о том, что в этике *обоснованию подлежат факты, а не нормы*. Поэтому о любых попытках оправдания норм в современной этике следует сказать, «что, к сожалению, формулировка вопроса, настаивающая на этом, является просто бессмысленной» [7, с. 257].

НОРМА КАК MORAL JUDGMENT

Чем же представляются нормы с точки зрения этики как фактической науки? По словам того же Шлика, предметом этики выступает добро (*moral good*) как понятие, имеющее материальные (содержательные) характеристики, а именно, «когда я рекомендую кому-то действие как являющееся добрым, я *выражаю тот факт*, что я *желаю* его осуществления» [7, с. 253]. За общим понятием добра скрывается множество таких фактов, относящихся к желаниям и предпочтениям, отдаваемым разными людьми в разное время разным вещам. Понятие нормы, в свою очередь, является производным от фактического содержания понятия добра. Общие характеристики, которые имеются у хороших действий, «могут быть объединены в форме *правила*: способ действия должен иметь такие-то и такие-то свойства, чтобы

соответствовать названию «добраго» или «злого». Такое правило может быть также названо «нормой» [7, с. 255]. Будучи осознанием общих свойств желаемых действий, нормы, также как и понятие добра, имеют фактическое наполнение. Поэтому, отвечая на вопрос о действительном содержании требований, выраженных в нормах, «мы должны обратиться к автору *команд* и исследовать его волю и желания» [7, с. 253].

Итак, с точки зрения логического позитивизма, этика является одной из эмпирических наук, а нормы имеют смысл команд, выражающих психические предпочтения того, кто их отдает. Этим открывается возможность истолкования этики в духе эмотивизма, что и делает Ч. Стивенсон.

Основная задача, стоящая перед эмотивизмом, заключается в том, чтобы показать, как эмпирическое значение норм и других суждений с моральным содержанием может оказать реальное воздействие, т.е. стать исполняемым требованием, при том не нарушая тезиса о невыводимости должного из сущего. С точки зрения эмотивистов, дистанция между выраженным фактическим пожеланием и командой, имеющей нормативный смысл, заполняется не логическими средствами, а эмоциональными реакциями. Последнее Стивенсон предлагает понимать в таком ключе, что нормы имеют эмотивный (*emotive*), а не познавательный смысл. «Эмотивный смысл слова - это тенденция слова... производить (в результате) аффективный ответ в человеке» [8, с. 273]. Эмотивный смысл демонстрирует динамическое использование слов, которое в отличие от дескриптивного, направлено на изменение обстоятельств. Из-за своего эмотивного смысла «этические суждения являются социальными инструментами» [8, с. 281], посредством которых достигается консолидация интересов и действий.

Позиция Стивенсона и Шлика является умеренной, поскольку сохраняет за нормативными и прочими моральными высказываниями статус суждений. Эмотивизм же А. Айера является более радикальным. По его словам, нормы «не являются суждениями о фактах, но служат рекомендациями, и в обычных случаях, смысл таких рекомендаций содержится в этических терминах» [9, с. 245]. В перспективе Айер склоняется к тому, что «то, что называется этическими суждениями не настоящие суждения вообще, что они не описывают ничего, что они не могут быть ни истинными, ни ложными» [9, с. 231].

Программа анализа нормативных суждений, заявленная логическим позитивизмом, получила свое развитие и практическое применение, в частности, в правоведении. Примером тому - формирующееся под влиянием философского позитивизма представление о природе права и статусе юридической науки. Р. Ципелиус дает ему следующую характеристику. «Согласно этой научной программе, право как социальное явление также должно стать «описанием фактов». Из этого можно сделать вывод, что правом считаются определенные правила человеческих взаимоотношений, которые имеют место в действительности... тогда главной задачей было бы выдвижение гипотез относительно таких моделей поведения... как метеоролог с большей или меньшей вероятностью предсказывает погоду на завтра, юрист с аналогичной мерой уверенности предсказывает ожидаемое решение суда как фактическую реальность» [2, с. 11-12].

В рамках позитивистской науки о праве и социальном поведении человека сложилось понятие о норме как выражении индивидуальных и коллективных установок, направленных на регулирование своего поведения, а также поведения других людей. Первым, кто четко и последовательно рассматривал подобное понятие как основу для юридических и социальных наук, был английский правовед Дж. Остин. Он интерпретировал нормы как команды и распоряжения, отдаваемые в том или ином сообществе его лидерами. Но наиболее широкое признание позитивистская трактовка норм получила благодаря работам Х.Л.А. Харта [См. 10]. В отличие от предыдущих интерпретаций, концепция нормы у Харта приобретает черты общей теории правил, значение которых определяется не социальным, а семантическим контекстом. Другими словами, с точки зрения Х.Л.А. Харта, нечто является правилом исходя из того, как понимается выражение, репрезентирующее правило в языке. Х.Л.А. Харт даже различает два типа правил в зависимости от их значения. Так выделяются первичные правила, регулирующие поведение и вторичные правила, регулирующие механизм появления и отмены правил. Но главное, что отличает зрелую позитивистскую теорию права - это отличие правила от приказа. «Одним из моментов, которые отличают правило от приказа, есть его нормативность, т.е. то обстоятельство, что правило устанавливает норму поведения, выполнение которой требуется от субъекта не одними только угрозой применения силы...» [11, с. 43].

Рассмотрение правовых норм Х.Л.А. Хартом является одним из лучших образцов прикладного применения позитивистской программы анализа нормативного дискурса. Движение от остиновского понимания норм как команд к хартовскому пониманию норм как правил знаменует собой сближение логического и правового позитивизма. В частности, обнаруженное Хартом различие особых первичных правил, посредством которых осуществляется регулирование процесса создания правил, ставит в прямую зависимость исследование правовой реальности и логический анализ средств ее описания.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФОРМА НОРМАТИВНОСТИ

Таким образом, следуя по пути позитивистской проблематики смысла «moral judgment», нельзя не обратить, вслед за Р. Дворкиным, внимания на то, что «концептуальная часть (общей теории права - А.Т.) опирается на философию языка и, тем самым, на логику и метафизику» [11, с. 9]. Изучение норм подразумевает изучение значений, повествующих о нормах текстов, а и лишь во вторую очередь психологических установок их создателей, политических и социальных обстоятельств и т.п. Этот тезис находится в очевидном и прямом конфликте с утверждениями логических позитивистов о том, что единственным методом в этике может служить психология (Шлик) или что логика не имеет к этике никакого отношения (Айер).

Эволюция идеи нормы в рамках правового позитивизма показала невозможность строго эмпирического обоснования дисциплин, имеющих дело с нормативностью, а также подчеркнула роль логико-лингвистической компоненты в их содержании. На сегодняшний день, по крайней мере, в правоведении утвердилась точка зрения, согласно которой, субъекты регулируемого поведения

отчасти руководствуются автономными в отношении окружающего их мира компетенциями, дающими право на рациональное обоснование совершаемых ими действий и являющимися частью их общеязыковой компетенции. Эта идея *рациональной языковой компетенции* разделяется большинством субъектов и влияет на признание ими того, что считать обязательным, а что нет, что следует делать, а что нет, как оценивать действия и события с точки зрения их нормативной значимости и т.д. Она является именно языковой, поскольку не требует ничего, кроме понимания значений нормативных выражений. Однако, действительно ли эта компетенция служит средством рационального познания норм или же она маскирует еще не известные и совсем не эпистемологические основания различных форм обязательств и основанного на них принуждения? На этом пути теория права сталкивается с рядом трудностей, унаследованных от позитивизма, потому что «вопрос о том, что означают утверждения закона и всегда ли они являются истинными или ошибочными, непосредственно связан с очень сложными и полемичными вопросами философской логики» [11, с. 9].

Речь идет, прежде всего, о способности понимать значение языковых выражений исходя из конечного числа исходных значений и правил образования из них новых. Подобная способность, судя по всему, имеет универсальный характер, т.е. не возникает из ознакомления с ограниченным числом случаев и имеет применение, также не ограниченное конечным числом ситуаций. Она должна допускать описание в терминах, отвлекающихся от содержания конкретных случаев ее применения, т.е. базироваться на формальных принципах и действовать посредством формальных процедур. Те, в свою очередь, должны демонстрироваться определенной логикой, без наличия которой рациональность подобной компетенции может ставиться под сомнение. Но, с другой стороны, в логическом позитивизме, например М. Шликом, подчеркивается важность содержательной интерпретации норм, и, тем самым, демонстрируется ограниченность этического формализма в целом. «Одна из худших ошибок этического мышления, по его словам, заключается в уверенности, что понятие добра полностью исчерпывается утверждениями о его формальных свойствах, что оно не имеет никакого содержания, кроме того, чтобы быть тем, что требуется, «что должно быть»» [7, с. 253].

Трудность, возникающая перед исследователем, намеревающимся показать формальный характер рациональной компетенции в вопросах нормативности, заключается в том, что сформированная позитивизмом парадигма логического исследования отрицает возможность демонстрации связи между нормативными суждениями. Причина этого - отсутствие признания со стороны позитивизма логической значимости суждений, имеющих своим предметом норму. И хотя, например, Айер не отрицает, что нормативные высказывания могут быть аргументированы, на вопрос, «каким образом могут эти аргументы поддерживать суждение?» он отвечает: «не в логическом смысле. Этические аргументы не являются формальной демонстрацией» [9, с. 236].

НОРМЫ БЕЗ СЕМАНТИКИ

В чистом виде позитивистская критика возможности разработки формальной логики моральных суждений, в частности норм, или деонтической логики была

представлена в статье датского логика Й. Йоргенсена на страницах позитивистского журнала «Erkenntnis». Корнем проблемы оказалась классическая, восходящая к Аристотелю и эксплицированная А. Тарским, формулировка понятия логического следования, предполагающая, что выражения, занимающие место посылок и заключения, имеют истинностные значения. Так один из выводов этой формулировки гласит: «класс истинных предложений содержит все доказуемые предложения исследуемой науки» [Поэтому для того, чтобы быть основаниями и следствиями, нормативные высказывания должны были бы обладать истинностными значениями, а именно это и исключалось логической доктриной позитивизма.

Тем не менее, преимущество позитивистского подхода к логике норм заключалось в том, что, благодаря проведенной им критике, сформировалось четкое осознание задач, решение которых позволило бы говорить о том, что нормативным рассуждениям присуща рациональность. Согласно А.А. Ивину [12, с. 8], имеют место две возможные стратегии построения логики норм, направленные на преодоление сложностей, указанных позитивизмом. Первая стратегия состоит в расширении понятия логического следования путем его дальнейшей формализации вплоть до полного исключения из семантики и отождествления с синтаксическим понятием «вывод». Вторая предполагает демонстрацию истинностных значений нормативных высказываний и, соответственно, применимости к ним процедуры логического следования в ее классическом понимании. Определенный интерес представляет именно вторая стратегия, поскольку она увязывает вопрос о значении норм с вопросом об истине, т.е. предполагает не только логическое, но и эпистемологическое исследование. В свою очередь, эта стратегия реализуется в рамках более общей перспективы рассмотрения вопроса о том, «*что такое значение?*» как одного из центральных вопросов семантики.

Исходные предпосылки анализа понятия значения в его связи с основаниями логической теории, по общему мнению, были сформулированы Г. Фреге. Но также верно, что понимание значения у Фреге представляется спорным и неоднозначным. В одних случаях значение понимается как базовая характеристика знака, так сказать, позиция или место в его сущностной структуре. В других термин «значение» используется для указания на то, что является значением того или иного знака, а поскольку знаки бывают разными, то и понятие значения релятивизируется относительно типов знаков: так, например, предмет является значением имени, истина или ложь значением предложения. При этом Г. Фреге не отрицал возможность того, что для ряда выражений (императивов, вопросов и т.д.) существуют и другие типы значений, хотя и сомневался в том, что они могут быть частью научного знания наравне с выражениями, обозначающими истину или ложь.

Логический позитивизм исходит из определения предмета и задач логики, данного Г. Фреге, хотя существенно радикализирует и изменяет некоторые из его положений. Во-первых, определение условий истинности высказывания отождествляется с определением его значения; невозможность установления условий, при выполнении которых высказывание будет истинным или ложным, расценивается как свидетельство отсутствия у него значения вообще. Во-вторых,

истинностные значения понимаются как соответствие или не соответствие положениям дел в мире, т.е. жестко привязываются к миру фактов.

К аутентичной позитивистским интерпретациям значения можно отнести логическую концепцию Р. Карнапа. Существенным моментом теории значения у Р. Карнапа является его отождествление с экстенционалом языковых выражений. Экстенционал - это класс соответствующих выражению объектов. Понимая, что большинство выражений естественного языка, в том числе фигурирующих в научных теориях, имеют в виду не только индивиды и их множества, а что-то еще, Карнап вводит для обозначения неэкстенционального содержания знаков термин интенционал. Интенционал - это концепт, но не в смысле мысли о предмете, а как нечто объективное. Согласно основной интуиции позитивизма в отношении природы значения, интенционал строго детерминируется экстенционалом.

Приоритет экстенционала связывается с тем, что он позволяет определять референцию терминов и их отношение к миру фактов. Отсутствие референции не позволяет осуществлять проверку языковых выражений на предмет их соответствия тому, что есть на самом деле, тем самым не позволяет устанавливать их истинность или ложность, т.е. лишает выражения значений. Отсутствие значения, если оно установлено, хотя и не представляет большой опасности, но все-таки неприемлемо в языке науки. Исключение выражений, лишенных значения, из языка науки служит основным средством преодоления метафизики.

Следует признать, что подобный подход, если он верен, действительно перечеркивает любую возможность рационального понимания нормативных выражений не только потому, что лишает их поддержки метафизики, но еще и потому, что совершенно справедливо признает их лишенными истинностных значений. Таким образом, семантическая программа позитивизма оставляет анализ нормативные выражения за границей своих возможностей.

СЕМАНТИКА ДЛЯ НОРМ

Отсутствие истинностного значения у нормативных выражений констатировалось уже Г. Фреге, вместе с признанием, что они, как и суждения, репрезентируют мир мысли. «Хотя приказание и вопрос и не являются мыслями, они все же стоят с мыслями на одной ступени. Поэтому в придаточных предложениях, зависящих от «приказывать», «просить», слова имеют косвенное значение. Поэтому значение такого предложения - это не значение истинности, а приказ, просьба и т.д.» [13, с. 238]. Т.о., нормативные и сходные с ними высказывания, хотя и не могут рассматриваться как истинные или ложные, все-таки обладают значением, которое Г. Фреге называет косвенным. Различие между прямым и *косвенным значением* языковых выражений основатель современной логики вводит в своей знаменитой статье «О смысле и значении». Косвенная речь, актуализирующая это различие, грамматически является частным случаем придаточного предложения, «в ней слова имеют косвенное значение, которое совпадает с тем, что обычно является их смыслом. В этом случае, стало быть, придаточное предложение имеет значением мысль, а не значение истинности... Что в рассматриваемых случаях значением придаточного предложения действительно является мысль видно и из того, что для истинности целого безразлично, является

ли эта мысль истинной или ложной» [13, с. 237]. В этой характеристике важно, что мысль, а не факт является источником значения, и соответственно, «референция» в таком случае устанавливается не к положениям дел, а к содержаниям сознания. Также из нее следует, что наличие в языке косвенного значения – это не результат случайности или заблуждения, а непосредственное следствие того, как устроены язык и мышление.

Однако, сам Г. Фреге не придавал большого значения логике косвенной речи, поскольку для решения его основной задачи (обоснования математики) она не играла никакой роли. Внимание к этой стороне наследия великого логика привлекла совершенно другая проблема, по сути дела, подорвавшая экстенционалистскую доктрину значения позитивистов. Речь идет о проблеме синонимии. Оказалось, что в ряде случаев стратегия экстенционального редукционизма не действует: при замене выражений с одними и теми же экстенционалами далеко не всегда удавалось сохранить тождество значения, вследствие чего возникали серьезные подозрения о том, что значение не зависит от референции. Косвенная речь служила самым ярким тому примером.

В дальнейшем выражения косвенной речи, посредством использования которых происходит замена истинностного значения выражения его смыслом, получили название *интенциональных контекстов*. Построение семантики для выражений, содержащих интенциональные контексты, выявило серьезные недостатки в позитивистской логической доктрине.

Происходящий в современной логике поворот к анализу интенциональных аспектов языка позволяет усомниться в справедливости тезиса о том, что осмысленными являются только суждения, выносимые в границах теоретического рассуждения и удовлетворяющие требованию осмысленности, благодаря наличию у них референции. Принимая в расчет программу разработки интенциональной логики, можно отстоять и тезис о независимости смысла норм от нацеленного на поиск референции теоретического рассуждения. Этим обстоятельством обуславливается необходимость переориентации теории права с логического позитивизма на результаты других форм аналитической философии, поскольку ими указываются те границы, в пределах которых рассуждение о нормах остается осмысленным и сохраняется возможность его обоснования.

ВЫВОДЫ

Правовой позитивизм относится к логическому позитивизму как к собственному методологическому основанию, определяющему научный статус правового исследования и его предмет. Ключевыми понятиями, объединяющими правовой и логический позитивизм служат понятия «moral science» и «moral judgment». Логический позитивизм также диктует правовому позитивизму задачу выработки семантики, адекватно описывающей смысл нормативных выражений. Однако семантика, принятая в самом логическом позитивизме, оказывается недостаточной для решения поставленной задачи. К неустранимым семантическим предпосылкам теории права принадлежит идея объективных принципов, наделяющих нормы специфическим значением. Эта идея требует от правового позитивизма существенного расширения методологических оснований.

Список литературы

1. Философия права – под. Ред. О.Г. Данильяна. – Х.: Прапор, 2005.
2. Цицеліус Р. Філософія права. – К.: Тандем, 2000.
3. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. – М.: Гнозис, Логос, 1994.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Часть I. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – С. 1-73.
5. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга вторая. Об аффектах. Книга третья. О морали. – М.: Канон, 19995.
6. Максимов Л.В. Юма принцип // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 2001. – С. 492.
7. Schlick M. Why Is the Aim of Ethics // Logical positivism ed. by: A.J. Ayer. – Free Press. – P. 247-263.
8. Stevenson C.L. The Emotive Meaning of Ethical Terms // Logical positivism ed. by: A.J. Ayer. – Free Press. – P. 264-281.
9. Ayer A.J. Philosophical Essays. – London: St. Martin's Press, 1963.
10. Hart H.L.A. The concept of law. – Oxford, Clarendon Press, 1990.
11. Дворкин Р. Серйозний погляд на права – К.: Основи, 2000.
12. Ивин А. А. Логика норм. – М.: изд-во Московского университета, 1973.
13. Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000.

Посупило в редакцію 17.09.2005